

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-2

Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике

Денис Андреевич ДЕГТЕРЕВ

доктор политических наук, кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Российский университет дружбы народов (РУДН), 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Российская Федерация;
профессор, кафедра мировой экономики
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, проспект Вернадского, д. 76, Москва, Российская Федерация;
профессор, кафедра европейских исследований
Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Университетская набережная, д. 7–9, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: Degterev-da@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-7426-1383

Мирзет Сафетович РАМИЧ

соискатель кафедры теории и истории международных отношений Российский университет дружбы народов (РУДН), 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Российская Федерация
E-mail: ramich_ms@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1479-2785

ЦИТИРОВАНИЕ: Дегтерев Д.А., Рамич М.С. (2021). Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 14. № 3. С. 23–43.
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-2

Статья поступила в редакцию 10.03.2021.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-514-93003 КАОН_а «Россия и Китай в мировом политическом пространстве: согласование национальных интересов в глобальном управлении».

АННОТАЦИЯ. *Трехсторонняя дипломатия – довольно распространенный в международной практике формат взаимодействия государств, которые формирует разнообразные конфигурации баланса сил в рамках так*

называемых треугольников. Понятие «треугольника» отличается амбивалентностью, разнообразием характеристик и принципов формирования.

В статье сделан обзор теоретического дискурса по проблематике страте-

гических треугольников, а также приведены практически примеры трехсторонней дипломатии прошлого и настоящего. Выявлены основные характеристики стратегических треугольников и особенности изменения их конфигурации (на примере треугольника США–КНР–СССР), данные отношения также рассматриваются в торгово-экономической и военно-политической сферах в контексте классической игры «дуэль трех лиц». Приведена классификация как симметричных, так и асимметричных треугольников (одноцентровых и бицентровых), представлена концепция буферных государств, а также региональных конфликтов с участием великой державы в качестве защитника.

На основе Сводного индекса национального потенциала (CINC) выявлены наиболее влиятельные страны на глобальном и региональных уровнях – вершины геополитических треугольников. В частности, проанализированы региональные треугольники в Европе (ЕС), в Евразии (ШОС), на Ближнем Востоке, в Восточной Азии, в Юго-Восточной Азии (АСЕАН), в Латинской Америке и в Африке. Исследована концепция опорных стран, которые, несмотря на относительно небольшой потенциал, также выступают в качестве вершин треугольников.

Представлены основные стратегические треугольники современного миропорядка, которые в качестве вершин включают страны Азии (КНР, Япония, Индия), РФ, США и ЕС. Выявлены основные контуры глобальной конкуренции на основе геополитических треугольников в XXI в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стратегический треугольник, региональные треугольники, трехсторонняя дипломатия, миропорядок, баланс сил, сдерживание, национальный потенциал, опорные страны.

«Треугольная» дипломатия как инструмент геополитического балансирования – понятие настолько распространенное, насколько и амбивалентное. В плане многочисленности интерпретаций стратегические треугольники могут соперничать лишь с балансом сил [Дегтерев, Худайкулова, 2018; Дегтерев, Никулин, Рамич, 2021], с которым они к тому же взаимосвязаны.

Как правило, треугольники представляют собой модель взаимозависимых отношений трех акторов мировой политики А, В и С (чаще всего в качестве вершин или опорных точек треугольника выступают государства). Дальше общее заканчивается и начинается множество трактовок данного явления. Представим их анализ, рассмотрим как теоретический дискурс, так и практические примеры из прошлого и настоящего, и постараемся выйти на общие закономерности.

Собственно теоретических статей по данному вопросу в рамках международно-политической науки не так много, ведь чаще авторы сосредотачиваются на каком-то одном треугольнике, целиком погружаясь в региональную специфику. Пожалуй, можно отметить ставшую классической работу Л. Диттмера с частично формализованными моделями, причем по ходу работы даже он постепенно сводит все к анализу треугольника СССР–США–КНР [Dittmer, 1981]. Две статьи Т. Каплова, напротив, носят чересчур абстрактный характер, в них не хватает практических примеров [Caplow, 1956; Caplow, 1959]. Автор использует социологический подход: выделяет восемь возможных типов треугольников по распределению мощи между вершинами (например, $A > B > C$) и в зависимости от этого делает выводы о возможности тех или иных коалиций. Ряд авторов разрабатывают теорию структурного баланса сил в духе «Великой шахматной доски» [Бже-

зинский, 2018] или старой арабской поговорки о том, что «друг моего друга – мой друг; друг моего врага – мой враг; враг моего друга – мой враг; враг моего врага – мой друг» [McDonald, Rosecrance, 1985, p. 59]. В последние годы ряд исследований по данной теме вышел в РФ [Худайкулова, 2020]. В рамках данной статьи авторы предпринимают попытку с помощью количественных и качественных методов анализа оценить актуальность «треугольной» дипломатии в условиях формирования «новой bipolarности» в системе международных отношений.

Когда треугольник стратегический?

Можно выделить несколько основных характеристик, объясняющих стратегическое значение треугольника. С одной стороны, это такой треугольник, отношения в котором будут оказывать существенное влияние на весь мир, т.е. вершины его – это наиболее

важные страны, играющие особую роль в институтах глобального управления, например члены «Группы семи» или «Группы двадцати».

С другой стороны, речь идет именно о стратегической составляющей, т.е. в первую очередь об отношениях в сфере обороны и безопасности («высокой политике»), а не о торгово-экономическом сотрудничестве. В этом случае особое влияние на международную обстановку, безусловно, оказывают пять постоянных членов СБ ООН (РФ, США, КНР, Великобритания и Франция). То есть по логике, именно они и должны составлять вершины основных стратегических треугольников.

В годы «холодной войны» американские исследователи определяли наиболее важные отношения в международной системе с помощью следующего пятиугольника (см. рис. 1).

В представленном пятиугольнике ключевую роль играли двусторонние отношения США–СССР, США–ЕС (на рис. 1 выделены цифрами 1 и 2), другие пары в меньшей степени определяли

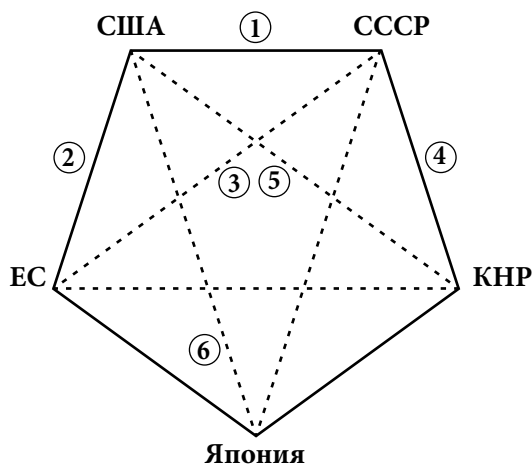

Рис. 1. Пятиугольник отношений между великими державами в годы «холодной войны»
Figure 1. The Pentagon of relations between the Great Powers during the Cold War»

Источник: [Intriligator, Luterbacher, 1994, p. 55].

расклад (обозначены цифрами 3, 4, 5), а несколько диад (ЕС–КНР, КНР–Япония, СССР–Япония) даже не обозначены на рис. 1 цифрами.

Советские исследователи примерно в это же время в своих исследованиях также говорили о структурных отношениях глобального уровня, выделяя отношения СССР–США (в т.ч. в рамках ОВД и НАТО), отношения государств с различным социальным строем, отношения в треугольниках СССР–США–КНР, а также СССР–США–Западная Европа и США–Западная Европа–Япония [Гантман, 1984, с. 310–398].

Далее архитектор трехсторонней дипломатии США Г. Киссинджер исключал ЕС и Японию из пятиугольника на рис. 1 [Dittmer, 1981] и выходил на наиболее важный стратегический треугольник биполярного мира: США–СССР–КНР. Соответственно, *третьим свойством* такого рода треугольников является стратегический характер принимаемых в его вершинах решений и связанная с этим *стратегическая не-*

определенность. Дело в том, что почти все страны ЕС входят в НАТО и в рамках Евро-Атлантического сообщества, по крайней мере в сфере безопасности, стратегической неопределенности не возникает (демарш Франции и ФРГ в 2003 г. в ходе иракского кризиса – это скорее исключение из правил). С Японией у США подписан Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности 1960 г., на островах размещены американские военные базы. Всего в мире более 800 американских военных баз в 177 странах мира, на которых расквартировано около 200 тыс. военнослужащих США (см. рис. 2).

При этом наибольшее число американских военнослужащих расквартировано в Японии (39 тыс.), ФРГ (35 тыс.), Республике Корея (23 тыс.), Италии (12 тыс.), Великобритании (8 тыс.) [Desjardins, 2017]. Военное сотрудничество с США основывается на целом ряде соглашений в сфере безопасности (как на многосторонней основе, так и двусторонней), причем боль-

Рис. 2. Военные базы США в зарубежных странах
Figure 2. US military bases in foreign countries

Источник: [Desjardins, 2017].

Примечание. Указаны страны и территории с количеством американских военнослужащих более 50 человек.

ше всего их подписано с Великобританией, Канадой, ФРГ, Нидерландами, Норвегией, Японией, Испанией и Бельгией [Kavanagh, 2014].

На данном этапе едва ли эти страны могут быть источником стратегической неопределенности (по крайней мере для США) и, соответственно, формировать стратегические треугольники в контексте становления многополярного мира. Схожий критерий использовался в проекте «Политический атлас современности» при определении государственности той или иной страны (наличие иностранных военных баз снижало данный показатель) [Мельвиль и др., 2007]. В этом контексте, как представляется, прав М.А. Троицкий, отмечающий иллюзорность стратегического треугольника США–ЕС–РФ [Троицкий, 2008].

Изменение конфигурации (соперничество/сотрудничество) в рамках одного из ребер стратегического треугольника заставляет третью страну балансировать с учетом новых обстоятельств, что влияет на динамику сотрудничества в рамках отношений, составляющих другие два ребра. Таким образом, возникают системные свойства треугольника, формируются петли обратных связей [Jervis, 1997; Дегтерев, Истомин, 2015]. Поскольку страны, представляющие вершины треугольника, участвуют в целом ряде других, локальных треугольников, то фактически речь идет о целой сети международных связей, которая приходит в движение [Алексеров и др., 2016; Дегтерев, 2015]. То есть динамика в рамках стратегических треугольников приводит к тектоническим изменениям в самой системе международных отношений.

В подлинно стратегических треугольниках согласно классической дуэли с тремя участниками (truel), как правило, выигрывает... слабейший [Kilgour, Brams, 1997]. В самом деле, ана-

лиз треугольника США–КНР–РФ показывает, что США воспринимают наибольшую экономическую угрозу именно со стороны КНР, в связи с чем ожесточенность торговой войны с Китаем существенно превышает уровень противостояния в торгово-экономической сфере с РФ. Напротив, в военной сфере лидерами являются США и РФ и до последнего момента КНР, как наиболее слабая в военном плане «вершина» треугольника, не привлекала внимания двух других «вершин» [Dobbins, Shatz, Wyne, 2019]. В последние годы наблюдается тенденция, когда США сами «подталкивают» КНР и РФ к созданию военно-политического союза, о котором стороны не задумывались ранее, своими недружественными действиями [Морозов (1), 2020, с. 310; Морозов (2), 2020; Салицкий, Семенова, 2019]. Потенциально создание такого союза именит структуру треугольника, так как два государства будут консолидированно выступать против третьей стороны.

В постбиполярный период понятие стратегического треугольника размывалось и стало касаться не только глобального, но и регионального уровня (уровня подсистемы международных отношений). В самом деле, региональные подсистемы обладают определенной автономией и для них зачастую важнее региональный баланс сил, в т.ч. проекция мощи великих держав непосредственно в их регион.

Ряд исследователей, например из Новой Зеландии, стали называть наиболее важные для своей страны треугольники (по сути лавирование между великими державами) стратегическими [Reuben, Dodd-Parr, 2019]. Безусловно, позиция каждого островного государства в Тихом океане важна, однако «общий счет» в геополитическом противостоянии США–КНР в регионе – это результирующая десятков та-

ких «стратегических треугольников» [Ali, 2017]. В этом контексте можно исходить из подхода Л. Дитмера – треугольники являются стратегическими, если входящие в их состав страны сами полагают их таковыми [Dittmer, 1981, pp. 490–491].

Сохранение status quo VS изменение баланса сил

Под балансом сил может пониматься как их реальное (как правило, крайне неравномерное) соотношение, так и равновесие сил сторон. Схожая дихотомия характерна и для стратегических треугольников. *Естественные треугольники* образуются тремя наиболее влиятельными акторами в системе международных отношений либо в отдельных регионах (подсистемах), что представляет собой объективное явление мировой политики. Естественные треугольники имеют *симметричный характер* ($A \approx B \approx C$). Как правило, отношения между ними характеризуются

комплексностью (как сотрудничество, так и соперничество). Так, например, к естественным треугольникам можно отнести РФ–КНР–Индию (РИК), ведь это три наиболее влиятельные страны в Евразии. Однако отношения между ними, как это обычно бывает между соседями, были осложнены целым комплексом взаимных проблем.

Однако «тройственный союз» (фр. *ménage à trois*) (в трактовке Л. Дитмера [Dittmer, 1981, p. 489]) – это не единственная желаемая конфигурация в рамках естественных треугольников. Так, американской дипломатии в годы «холодной войны» удалось изменить конфигурацию отношений в естественном треугольнике СССР–США–КНР от советско-китайского союза к «романтическому треугольнику» с США в роли арбитра (см. рис. 3).

При этом формула американского лидерства в трактовке Г. Киссинджера звучала следующим образом: «Наши отношения с возможными оппонентами (т.е. с СССР и КНР. – *Авт.*) должны

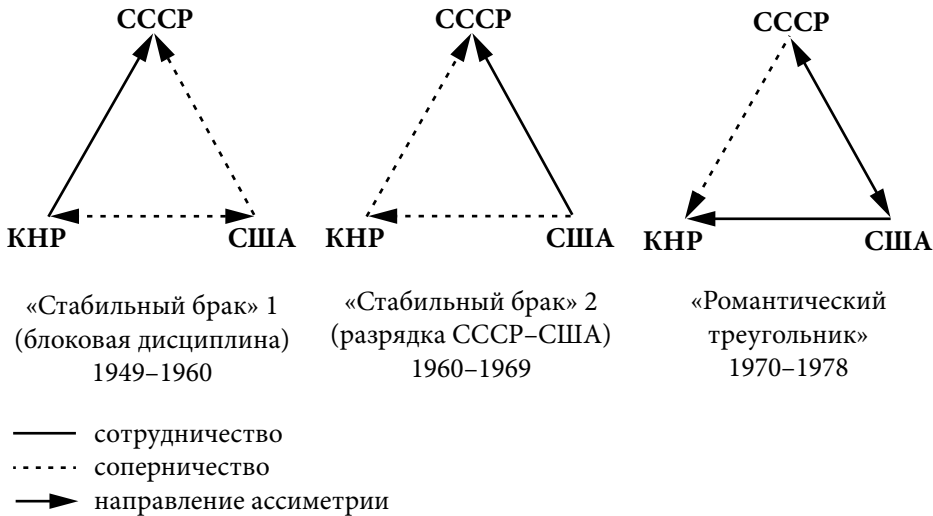

Рис. 3. Эволюция отношений в треугольнике СССР–США–КНР в 1949–1978 гг.
Figure 3. Evolution of relations in the USSR–USA–CHINA triangle in 1949–1978

Источник: [Dittmer, 1981].

быть такими, чтобы наши возможности в отношениях с ними были более значительными, чем их возможности в отношениях между собой» [Kissinger, 1979, p. 169]. Изменение конфигурации данного треугольника США использовали как важный инструмент геополитического балансирования, существенно увеличив потенциал своей коалиции.

Другой разновидностью треугольников являются *рукотворные*, создаваемые в рамках внешней политики отдельных стран и призванные, как правило, сместить баланс сил в свою сторону в мире в целом либо в отдельном регионе. Данный тип треугольников, как правило, *асимметричен*.

Виды асимметричных треугольников

В зависимости от распределения мощи между вершинами выделяется два основных вида асимметричных треугольников. Чаще всего речь идет об *одноцентровых (unicentric) треугольниках*, вершины которых составляют более мощная великая держава и два примерно одинаковых по потенциалу региональных лидера ($A > B \approx C$), при этом создание треугольника происходит по инициативе данной великой державы. Однако было бы упрощением считать данный треугольник сильно асимметричным. Дело в том, что великая держава готова проецировать в данный регион лишь часть своей мощи (например, у США в Персидском заливе находятся корабли 5-го флота, в Средиземном море – 6-го флота, в Восточной Азии – 7-го флота), что несколько уравнивает реальный потенциал великой державы и двух региональных. Реже встречаются *бицентровые (bicentric) треугольники* ($A \approx B > C$) с участием двух великих держав и одной региональной. К таковым относится, например, Веймарский треугольник, включающий две наиболее

мощные на сегодня страны Евросоюза (ФРГ и Францию) и наиболее влиятельную страну ЦВЕ Польшу (материальный потенциал последней почти в 2,5 раза превышает мощь следующей за ней Румынии) [Ромер, 2014; Дегтерев, Никулин, Рамич, 2021, с. 208–220].

К бицентровым треугольникам можно отнести и отношения, возникающие у небольших стран, лавирующих между двумя великими (или региональными) державами в рамках проводимой ими политики многовекторности. В этой связи М. Партем разработал во многом близкую теорию «буферного государства» [Partem, 1983]. При этом, однако, встает вопрос о том, насколько важен, по Л. Диттмеру, данный «буфер» для двух ведущих игроков, является ли он опорной страной для них?

Одноцентровые треугольники можно также разделить на несколько типов. *Во-первых*, это «романтические треугольники» с верховным арбитром в виде великой державы, созданные по классическому принципу «разделяй и властвуй». Помимо треугольника США–СССР–КНР (с 1970 по 1991 г.), это, например, треугольник США–КНР–Япония, ставший особенно актуальным в постбиполярный период [Zhang, 1998]. Так, в 2012 г. США заявили, что Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности с Японией 1960 г. также распространяется на спорные острова Сенкаку (Дяюйдао), тем самым приняв непосредственное участие в китайско-японском территориальном споре. По схожей схеме верховного арбитра выстроены и отношения США с Израилем и соседними арабскими странами в рамках концепции Qualitative Military Edge [Дегтерев, Степкин, 2013]. США ежегодно оказывают военно-техническую помощь Израилю и арабским странам, причем помощь Израилю направляется в несколько большем

объеме. Таким образом, ключевые региональные игроки становятся завязаны на США.

Во-вторых, это такие региональные треугольники, в рамках которых великая держава, напротив, «по-отечески» мирит две соседние региональные державы для решения последними важной для нее задачи. В качестве примера можно привести турецко-израильский военно-разведывательный союз, созданный в 1993–1994 гг. по инициативе администрации Б. Клинтона и скрепленный двусторонним Соглашением о безопасности и секретности (SSA), членством Турции в НАТО и соглашением между Израилем и НАТО 2003 г. Треугольник США–Турция–Израиль позволял Вашингтону продвигать свои интересы на Ближнем Востоке, однако в последние годы на смену ему пришел продвигаемый РФ в ходе войны в Сирии треугольник РФ–Иран–Турция. Кстати, о преимуществах данного треугольника для России писал еще в XIX в. И. Гаспринский [Гаспринский, 1896]. Схожий по формату треугольник США–КНР–Пакистан был создан Вашингтоном в годы «холодной войны» для борьбы с СССР, а впоследствии – для ведения боевых действий

в Афганистане [Smith, 2011]. В последние годы РФ балансирует в рамках ШОС, используя треугольники РФ–Китай–Индия, РФ–Пакистан–Индия, а на Дальнем Востоке – РФ–Китай–Япония.

В качестве асимметричных (как односторонних, так и бицентричных) треугольников можно рассмотреть и ситуации, связанные с опосредованными (прокси) войнами, которые в последнее время снова возвращаются в практику международных отношений [Худайкулова, 2016]. Так, в региональных конфликтах многие страны выступают в качестве *протезе* (*protégé*) наиболее влиятельных стран, которые оберегают их от бросающих вызов *соперников* (*challenger*), реализуя стратегию расширенного сдерживания (*extended deterrence*) (см. рис. 4).

Вершины треугольника

Какие же страны являются наиболее важными и выступают в качестве вершин стратегических треугольников? Как правило, речь идет либо о наиболее мощных странах, либо о наиболее удачно географически (стратегически) расположенных.

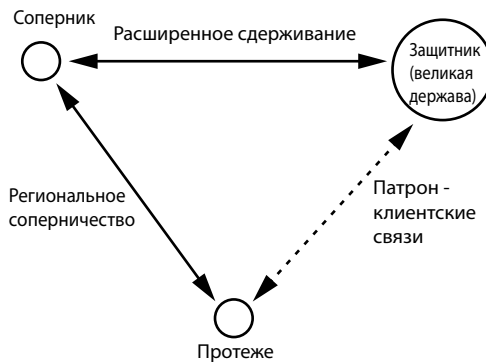

Рис. 4. Треугольник регионального конфликта с участием великой державы
Figure 4. Triangle of a regional conflict involving a great Power

Источник: составлено авторами.

Мощь отдельных стран можно анализировать на основании многофакторных индексов оценки национального потенциала. Поскольку исследуются стратегические вопросы, то возникает соблазн взять за основу рейтинги наиболее сильных в военном плане стран, например Global Firepower Index. С другой стороны, в современном мире противоборство носит, как правило, комплексный характер [Подберезкин, Боршшоплец, 2014], отношения между странами характеризуются высоким уровнем взаимозависимости, в этой связи более целесообразно исходить из оценок совокупной мощи, а не только военного ее компонента.

Для оценки материального потенциала в данной работе используется *Сводный индекс национального потенциала (Composite Index of National Capability, CINC)*, созданный Д. Сингером для базы данных «Коррелято-

ры войны». Последние доступные данные в базе CINC – за 2012 г., однако авторами статьи проведен расчет данных показателей для всех стран мира, который представлен в приложении к коллективной монографии [Дегтерев, Никулин, Рамич, 2020, с. 313–319]. При анализе показателей CINC необходимо принимать во внимание, что Индекс создавался во времена «холодной войны» и не учитывает «мягкосиловые» показатели, которые становятся все более актуальными в XXI в.

Анализ сравнительной динамики мощи США, КНР и РФ (СССР) в XX–XXI вв. (см. рис. 5) показывает максимум американской доли от совокупного мирового потенциала в период Первой и Второй мировых войн и лидерство СССР в 1970–1980-е годы. В последние годы стало явным лидерство КНР по показателям материального потенциала.

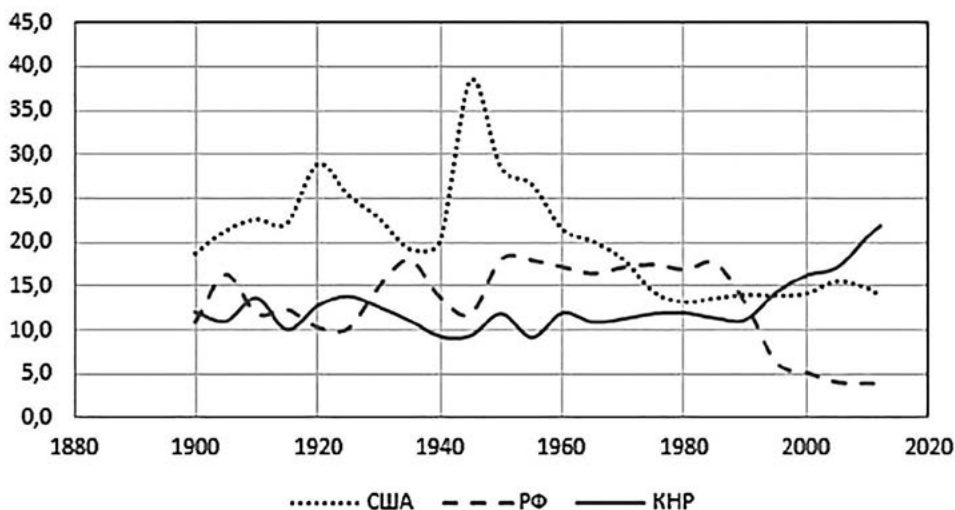

Рис. 5. Динамика национального потенциала США, РФ (СССР) и Китая (в % от мирового потенциала)

Figure 5. Dynamics of the national potential of the United States, the Russian Federation (USSR) and China (in % of the world potential)

Источник: построено с использованием National Material Capabilities (v5.0), The Correlates of War Project // <http://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities>, дата обращения 21.04.2021.

На сегодняшний день топ-10 стран мира по материальному потенциалу выглядят следующим образом (см. табл. 1).

Затемнены строки со странами, которые в силу тесных военно-политических связей с США на данном этапе не являются источником стратегической неопределенности и не могут составлять вершины для стратегических треугольников в контексте становления многополярного мира. Совокупная доля ЕС составляет 9,2% от мировой мощи, т.е. это третье место в данном рейтинге. Как видно из табл. 1, наибольший интерес на сегодня представляют стратегические треугольники с участием КНР, США, Индии и РФ.

На региональном уровне, в рамках подсистем международных отношений ситуация следующая (см. табл. 2).

Как видно из табл. 2, на страны треугольника на Ближнем Востоке, в АСЕАН и Латинской Америке приходится около 50–60% всей региональной мощи, т.е. они действительно играют ключевую роль в своих подсистемах. При этом на Бразилию и Мексику приходится 55% региональной мощи (т.е. фактически можно говорить о топ-2), а в АСЕАН, напротив, не наблюдается явного лидерства, ведь следующие за Таиландом Мьянма и Филиппины, а также Малайзия лишь немного меньше по потенциалу (т.е. можно говорить о топ-5 или даже топ-6).

Таблица 1. Топ-10 стран мира по Сводному индексу национального потенциала (2018 г.)

Table 1. Top 10 countries in the world according to the Composite Index of National Potential (2018)

№	Страна	Военные расходы, в тыс. долл. США	Размер армии, тыс. чел.	Выплавка чугуна и стали, тыс. тонн	Первичное потребление энергии, тыс. тонн усл. топлива	Население, млн чел.	Городское население, млн чел.	Доля от мировой мощи, в %
1	КНР	168 202	2035	928 264	4006,5	1415	837	22,3
2	США	643 266	1348	86 607	2927,4	326,8	268,8	13,4
3	Индия	57 874	1445	109 272	993,8	1354	460,8	8,6
4	Россия	45 349	900	72 042	1029,7	143,9	107,2	3,6
5	Япония	47 256	247	104 319	623,4	127,1	116,5	3,0
6	Бразилия	27 952	335	35 407	305,6	210,9	182,5	2,4
7	Р. Корея	39 211	625	72 464	399,7	51,2	416,8	2,3
8	Индонезия	7 318	396	6 183	246,9	266,8	147,6	1,9
9	ФРГ	45 686	179	42 435	419,7	82,3	636,2	1,9
10	Саудовская Аравия	82 933	227	5 240	325,3	33,6	28,2	1,6

Источник: составлено авторами на основе методологии Correlates of War National Material Capabilities (NMC) Data Documentation Version 5.0 // <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities/nmc-codebook-v5-1>, дата обращения 21.04.2021.

Таблица 2. Региональные треугольники (топ-3 страны по материальному потенциалу)**Table 2.** Regional triangles (top 3 countries by material potential)

Регион (подсистема МО)	Страна 1	Страна 2	Страна 3	Сумма	Примечание
Европа	ФРГ	Франция	Италия		Без учета Великобритании
	1,9	1,5	1,1	4,5	
	20,6	16,3	11,9	48,8	
Евразия (ШОС)	КНР	Индия	РФ		
	22,3	8,6	3,6	34,5	
	60,9	23,4	9,8	94,1	
Ближний Восток	Саудовская Аравия	Иран	Турция		Без учета Египта
	1,6	1,4	1,0	4,0	
	21,0	18,4	13,1	52,5	
Восточная Азия	КНР	Япония	Р. Корея		Явное лидерство КНР
	22,3	3,0	2,3	27,6	
	75,6	10,1	7,8	93,5	
Юго-Восточная Азия (АСЕАН)	Индонезия	Вьетнам	Таиланд		Мьянма и Филиппины – по 10%
	1,9	1,0	0,9	3,8	
	30	16,7	15	61,7	
Латинская Америка	Бразилия	Мексика	Колумбия		Явное лидерство Бразилии и Мексики (топ-2)
	2,4	1,4	0,7	4,5	
	34,7	20,3	10,1	65,1	
Африка	Египет	Нигерия	ЮАР		
	1,0	0,9	0,6	2,5	
	12,3	11,1	7,4	30,8	

	% от мирового потенциала
	% от регионального потенциала

Источник: составлено авторами на основе методологии Correlates of War National Material Capabilities (NMC) Data Documentation Version 5.0 // <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities/nmc-codebook-v5-1>, дата обращения 21.04.2021.

В Евразии и в Восточной Азии наблюдается доминирование КНР (60,9% и 75,6% соответственно). В Европе, после Брекзита, на треугольник ФРГ–Франция–Италия приходится практически половина материального потенциала. Наибольшая распыленность мощи наблюдается в Африке, где на Еги-

пет, Нигерию и ЮАР приходится лишь треть всего потенциала континента [Дегтерев, 2020].

Наиболее сплоченные отношения в рамках региональных треугольников наблюдаются там, где они являются частью институционализированных интеграционных объединений, в

особенности в рамках ЕС и АСЕАН, в меньшей степени – в рамках ШОС. На Ближнем Востоке между двумя вершинами треугольника (Иран и Саудовская Аравия) уже несколько лет идет опосредованная война [Худайкулова, 2016], основные сражения которой проходят в Сирии и Йемене. До 2003 г. (свержения иракского лидера С. Хусейна) основным треугольником в зоне Персидского залива в течение нескольких десятилетий был Иран–Ирак–Саудовская Аравия [Fürtig, 2007]. Вторжение США и их союзников в Ирак нарушило региональный баланс сил и вывело на первое место в регионе Иран. В контексте контроля над Индийским океаном в качестве американского «жандарма» примечателен и треугольник безопасности времен шахского Ирана (до 1979 г.) Иран–Австралия–ЮАР [Юртаев, 2017].

В ряде случаев в качестве вершины треугольника может быть не страна, а региональная организация, например АСЕАН [Ефремова, 2016]. Для этого необходим достаточно высокий уровень интеграции в рамках организации, а также отсутствие явного лидера (т.е. вовне проецируется не мощь отдельной страны, а всей организации в целом).

Помимо наиболее влиятельных стран, вершинами геополитических треугольников могут выступать и сравнительно небольшие *опорные страны (pivot states)*, имеющие выгодное стратегическое положение и обладающие, таким образом, т.н. *стратегическими благами*, своего рода «золотой акцией» для решения тех или иных геополитических задач [Sweijts et al., 2014]. К данным благам относятся, например, выгодное географическое положение – контроль над ключевыми проливами (Панама, Сингапур, Египет, Оман, Джибути) или расположение в «мягком подбрюшье» геополитического оппонента, или на геополитическом разломе (Куба, Украина, Афганистан) [Brzezinski, 1996]. Также это может быть местоположение религиозных святынь (Саудовская Аравия) либо обладание стратегическими природными ресурсами [Husain, 1982].

Стратегические треугольники современного миропорядка

В современном миропорядке существенно поменялась конфигурация стратегических треугольников: уже нет биполярности; основное геополити-

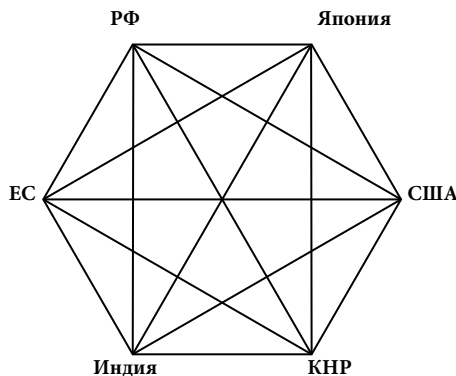

Рис. 6. Конфигурация стратегических треугольников современности
 Figure 6. Configuration of the strategic triangles of modernity

ческое противостояние смещается на восток, в регион АТР и т.н. Индо-Пацифики; формируются новые геополитические альянсы. Рассмотрим конфигурацию основных стратегических треугольников в XXI в. (см. рис. 6), при этом в качестве вершин будем использовать топ-5 стран по материальному потенциалу (см. табл. 1), а также ЕС как единого актора.

Со времен «холодной войны» сохраняет свою значимость треугольник США–ЕС–Япония – основа западного мира и костяк «Группы семи». Формируются и контуры геополитического противостояния с альтернативными проектами (БРИКС, ШОС), основанными на треугольнике РФ–Индия–КНР (РИК), консолидирующем евразийское пространство.

Поскольку в БРИКС и ШОС влияние КНР становится определяющим, то США в контексте «новой биполярности» предпринимают попытки нейтрализовать альянсы с участием Китая. Особое значение при этом уделяется треугольнику США–Индия–Япония (и даже шире, четырехугольнику «Квад» с участием Австралии) в рамках американской концепции Индо-Пацифики. В вопросе формирования нового геостратегического региона США опираются на региональный треугольник Япония–Индия–Австралия. Страны Индо-Тихоокеанского региона, будучи заинтересованными в сдерживании Китая и являясь партнерами США в различных форматах взаимодействия по вопросам безопасности, создали условия формирования упомянутой ранее четверки.

У истоков такого сотрудничества лежат десятилетия взаимодействия как в рамках двусторонних отношений вершин регионального треугольника с США, так и между собой. Созданная в 1950-х годах система Сан-Франциско, или «*Hub and Spokes*», была построе-

на на двусторонних соглашениях между США и региональными партнерами для решения внешнеполитических задач США в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Богатуров, 1997]. В дальнейшем функционала двусторонних соглашений стало недостаточно и были созданы группы в формате ограниченной многосторонности – ANZUS (Австралия, Новая Зеландия и США), неформальный диалог США, Японии и Республики Корея по вопросам обеспечения безопасности на Корейском полуострове и сдерживания КНР в Восточной Азии, Трехсторонний стратегический диалог (США, Япония и Австралия), созданный в начале 2000-х для обеспечения стратегических гарантий безопасности в АТР, диалог по безопасности в рамках треугольника США–Индия–Япония, который ежегодно подтверждается совместными учениями в Индийском океане (Малабар), и другие ad-hoc группы.

Однако если Япония и Австралия уже были интегрированы в американскую систему союзов в АТР/ИТР и тесно взаимодействовали между собой [Satake, Hemmings, 2018], то Индия всегда предпочитала балансировать между различными форматами, сотрудничая одновременно в рамках РИК/ШОС и с США и региональными партнерами, сохраняя стратегическую неопределенность. Поэтому во многом задача «Квад» – это «вывести» Индию из альянса евразийских держав, а также осуществить стратегию военно-морского сдерживания КНР [Кортунов, 2018; Худайкулова, Рамич, 2020]. Ряд зарубежных исследователей даже высказываются в рамках реализации Индо-Тихоокеанской стратегии США о преимуществах стратегического треугольника США–Индия–Китай, при котором США будут выполнять роль арбитра для двух евразийских держав [Singh, 2016]. Указанные процессы демонстрируют намерения

США ослабить взаимодействие в Евразии за счет удаления Индии от работы в рамках РИК в пользу форматов с участием Соединенных Штатов.

В современных условиях снова становится актуальным традиционный треугольник США–КНР–РФ [Давыдов, 2015; Хуашэн, 2019], при этом США все также хотят сохранить за собой роль верховного арбитра. Проведенный нами анализ показал, что пока это им удается, так как отношения между США–КНР (за счет экономической и гуманитарной сферы) пока более сильные, чем отношения между РФ–КНР, несмотря на активное российско-китайское сотрудничество в политической и военной сферах. Помимо РИК привлекательным для России проектом является и стратегический треугольник ЕС–РФ–КНР в контексте построения «Большой Евразии» [Цвык, 2018].

Стратегические треугольники были и остаются важным инструментом геополитического балансирования в мировой политике. Вместе с тем в последние годы размывается само понятие стратегических треугольников, появляется терминологическая амбивалентность. В этом контексте важно выделять симметричные треугольники, включающие великие державы (на уровне системы международных отношений) или региональных лидеров (на уровне подсистем), и асимметричные треугольники, используемые как инструмент внешней политики отдельных стран для проецирования своей мощи на мировой арене. В условиях глобализации и тесной взаимосвязанности, когда практически не остается вопросов, которые можно решить исключительно в двустороннем формате, взаимодействие в рамках стратегических треугольников становится основным инструментом международно-

го взаимодействия, одновременно выступая и фундаментом для сотрудничества, и причиной конкуренции.

В XXI в. основные стратегические треугольники включают страны Азии (КНР, Япония, Индия), РФ, США и ЕС. Контуры глобального противостояния связаны с соперничеством треугольников Россия–Индия–Китай (РИК) и США–ЕС–Япония. В рамках американской концепции Индо-Пацифики иницируются новые стратегические треугольники (например, Индия–Япония–США), призванные сохранить американское лидерство в XXI в.

Список литературы

- Алескеров Ф.Т., Курапова М.С., Мещерякова Н.Г., Миронюк М.Г., Швыдун С.В. (2016). Сетевой подход в изучении межгосударственных конфликтов // Политическая наука. № 4. С. 111–137 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27685865_15068490.pdf, дата обращения 21.04.2021.
- Бжезинский З. (2018). Великая шахматная доска. М.: АСТ.
- Богатуров А.Д. (1997). Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт-МОНФ.
- Гантман В.И. (ред.) (1984). Система, структура и процесс развития современных международных отношений. М.: Наука.
- Гаспринский И. (1896). Русско-восточное соглашение: мысли, заметки и пожелания Исмаила Гаспринского. Бахчисарай: Переводчик.
- Давыдов А.С. (2015). Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектоники. М.: ИДВ РАН.
- Дегтерев Д.А. (2015). Сетевой анализ международных отношений // Вестник

СПбГУ. Серия 6: Политология. Международные отношения. № 4. С. 119–138 // <http://vestnik.spbu.ru/html15/s06/s06v4/11.pdf>, дата обращения 21.04.2021.

Дегтерев Д.А. (2020). Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. М: Русайнс.

Дегтерев Д.А., Истомин И.А. (2015). Системное моделирование международных отношений // *Мировая экономика и международные отношения*. № 11. С. 17–30. DOI: 10.20542/0131-2227-2015-59-11-17-30

Дегтерев Д.А., Никулин М.А., Рамич М.С. (ред.) (2021). *Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ: научная монография*. М.: РУДН.

Дегтерев Д.А., Степкин Е.А. (2013). *Динамическое равновесие. Роль США в обеспечении военного превосходства Израиля на Ближнем Востоке // Азия и Африка сегодня*. № 10. С. 19–25 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20339294_45832955.pdf, дата обращения 21.04.2021.

Дегтерев Д.А., Худайкулова А.В. (2018). *Баланс сил в международно-политической науке: теоретические концепции и прикладной анализ // Национальная безопасность / Nota Bene*. № 1. С. 1–12. DOI: 10.7256/2454-0668.2018.1.25193

Ефремова К.А. (2016). *Неравновесные державы: Мьянма в стратегическом треугольнике «Китай–Индия–АСЕАН»*. М.: МГИМО-Университет.

Коргунов А.В. (2018). *Индो-Пацифика или Сообщество единой судьбы? // РСМД*. 28 мая 2018 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-patsifika-ili-soobshchestvo-edinoy-sudby/>, дата обращения 21.04.2021.

Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Миронюк М.Г., Полушин Ю.А., Тимофеев И.Н., Харитонов

ва О.Г., Ваславский Я.И. (2007). *Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств*. М.: МГИМО-Университет.

Морозов Ю.В. (1) (2020). *Пути нейтрализации угроз России в рамках стратегического треугольника «РФ–США–КНР»*. М.: ИДВ РАН.

Морозов Ю.В. (2) (2020). «Подводные камни» военно-политического сотрудничества России с США и Китаем // *Проблемы Дальнего Востока*. № 2. С. 21–36. DOI: 10.31857/S013128120009751-7

Подберезкин А.И., Боришполец К.П. (2014). *Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки*. М.: МГИМО-Университет.

Ромер Ж.-К. (2014). *Веймарский треугольник и украинский кризис // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. № 4. С. 7–12 // <http://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/10396>, дата обращения 21.04.2021.

Салицкий А.И., Семенова Н.К. (2019). *Подъем Китая и российско-китайское сближение // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 12. № 1. С. 117–132. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-117-132

Троицкий М.А. (2008). «Иллюзии треугольников» в современных отношениях России с Западом // *Международные процессы*. № 3. С. 101–107 // <http://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/830/Troitski-02.pdf>, дата обращения 21.04.2021.

Хуашэн Ч. (2019). «Новый треугольник» в отношениях между Китаем, Россией и США // *Сравнительная политика*. № 2. С. 69–85. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10017

Худайкулова А.В. (2016). *Новое в управлении международными конфликтами // Международные процессы*. Т. 14. № 4. С. 67–79. DOI: 10.17994/IT.2016.14.4.47.5

- Худайкулова А.В. (2020). Геополитические треугольники в контексте конкуренции традиционных и восходящих центров силы // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 4. С. 53–73. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-3
- Худайкулова А.В., Рамич М.С. (2020). «Квад 2.0»: четырехсторонний диалог для контроллингирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // *Полис*. № 3. С. 23–43. DOI: 10.17976/jpps/2020.03.03
- Цвык А.В. (2018). «Большая Европа» или «Большая Евразия»? В поиске новых идей для евразийской интеграции // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. Т. 18. № 2. С. 262–270. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-262-270
- Юртаев В.И. (2017). Особенности региональной дипломатии Ирана в начале XXI века // *Касюк А.Я., Харичкин И.К., Полищук А.И. (ред.) Сотрудничество России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор укрепления мира и безопасности в Евразии. Материалы Международной научно-практической конференции*. М.: МГЛУ. С. 30–35.
- Ali S. (2017). *US-Chinese Strategic Triangles. Examining Indo-Pacific Insecurity*, Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-57747-0
- Brzezinski Z. (1996). Geopolitical Pivot Points // *The Washington Quarterly*, vol. 19, no 4, pp. 206–216. DOI: 10.1080/01636609609550224
- Caplow T. (1956). A Theory of Coalitions in the Triad // *American Sociological Review*, vol. 21, no 4, pp. 489–493. DOI: 10.2307/2088718
- Caplow T. (1959). Further Development of a Theory of Coalitions in the Triad // *American Journal of Sociology*, vol. 64, no 5, pp. 488–493. DOI: 10.1086/222544
- Desjardins J. (2017). US Military Deployment by Country // *Visual Capitalist*, March 18, 2017 // <http://www.visualcapitalist.com/u-s-military-personnel-deployments-country/>, дата обращения 21.04.2021.
- Dittmer L. (1981). The Strategic Triangle: An Elementary Game-Theoretical Analysis // *World Politics*, vol. 33, no 4, pp. 485–515. DOI: 10.2307/2010133
- Dobbins J., Shatz H., Wyne A. (2019). *Russia Is a Rogue, Not a Peer; China Is a Peer, Not a Rogue. Different Challenges, Different Responses*, Santa Monica: RAND Corporation. DOI: 10.7249/PE310
- Fürtig H. (2007). Conflict and Cooperation in the Persian Gulf: The Interregional Order and US Policy // *Middle East Journal*, vol. 61, no 4, pp. 627–640. DOI: 10.3751/61.4.13
- Husain A. (1982). The West, South Africa and Israel: A Strategic Triangle // *Third World Quarterly*, vol. 4, no 1, pp. 44–73. DOI: 10.1080/01436598208419607
- Intriligator M., Luterbacher U. (eds.) (1994). *Cooperative Models in International Relations Research*, Berlin: Springer.
- Jervis R. (1997). *System Effects: Complexity in Political and Social Life*, Princeton: Princeton University Press.
- Kavanagh J. (2014). *U.S. Security-Related Agreements in Force since 1955. Introducing a New Database*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Kilgour M., Brams St. (1997). The Truel // *Mathematics Magazine*, vol. 70, no 5, pp. 315–326. DOI: 10.1080/0025570X.1997.11996570
- Kissinger H. (1979). *White House Years*, Boston: Little, Brown and Co.
- McDonald H.B., Rosecrance R. (1985). Alliance and Structural Balance in the International System: A Reinterpretation // *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 29, no 1, pp. 57–82. DOI: 10.1177/0022002785029001004
- Partem M.G. (1983). The Buffer System in International Relations // *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 27, no 1, pp. 3–26. DOI: 10.1177/0022002783027001001

Reuben S., Dodd-Parr F. (2019). Examining the Immanent Dilemma of Small States in the Asia-Pacific: The Strategic Triangle between New Zealand, the US and China // *The Pacific Review*, vol. 32, no 1, pp. 90–112. DOI: 10.1080/09512748.2017.1417324

Satake T., Hemmings J. (2018). Japan-Australia Security Cooperation in the Bilateral and Multilateral Contexts // *International Affairs*, vol. 94, no 4, pp. 815–834. DOI: 10.1093/ia/iyy028

Singh A.G. (2016). India, China and the US: Strategic Convergence in the Indo-Pacific // *Journal of the Indian Ocean Region*, vol. 12, no 2, pp. 161–176. DOI: 10.1080/19480881.2016.1226752

Smith P. (2011). The China–Pakistan–United States Strategic Triangle: From Cold War to the “War on Terrorism” // *Asian Affairs: An American Review*, vol. 38, no 4, pp. 197–220. DOI: 10.1080/00927678.2011.604291

Sweijts T., Oosterveld W., Knowles E., Schellekens M. (2014). *Why Are Pivot States so Pivotal? The Role of Pivot States in Regional and Global Security*, Hague: The Hague Centre for Strategic Studies.

Zhang M. (1998). The Emerging Asia - Pacific Triangle // *Australian Journal of International Affairs*, vol. 52, no 1, pp. 47–61. DOI: 10.1080/10357719808445237

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-2

Strategic Triangles and Balancing in World Politics

Denis A. DEGTEREV

DSc in Politics, PhD in Economics, Professor, Head of the Department of Theory and History of International Relations

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), 117198, Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russian Federation;

Professor, Department of World Economy

MGIMO University, 119454, Vernadskogo Av., 76, Moscow, Russian Federation;

Professor, Department of European Studies

Saint Petersburg State University, 199034, Universitetskaya Emb., 7–9, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: Degterev-da@rudn.ru

ORCID: 0000-0001-7426-1383

Mirzet S. RAMICH

Candidate, Department of Theory and History of International Relations

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), 117198, Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russian Federation

E-mail: ramich_ms@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1479-2785

CITATION: Degterev D.A., Ramich M.S. (2021). Strategic Triangles and Balancing in World Politics. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 3, pp. 23–43 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-2

Received: 10.03.2021.

ACKNOWLEDGEMENT: The reported study was funded by RFBR within research project no 20-514-93003 “Russia and China in the global political space: harmonization of national interests in global governance”.

ABSTRACT. *Trilateral diplomacy is a common format of interaction in international relations, which forms various configurations of the balance of power within the framework of triangles. The concept of a “triangle” is characterized by ambivalence, has a variety of characteristics and principles of formation.*

The article provides an overview of the theoretical discourse on strategic triangles, as well as of practical examples of trilateral diplomacy of the past and present day. The main

characteristics of strategic triangles and the features of changes in their configuration are identified (the case of USA–PRC–USSR triangle). Classification of both symmetric and asymmetric triangles (unicenter and bicenter) are given, the concept of buffer states, as well as regional conflicts with the participation of a great power as a defender, are presented.

The most influential countries at the global and regional levels, forming geopolitical triangles, are identified basing on the Composite Index of National Capabi-

lity (CINC). *The concept of pivot states is analyzed permitting to indicate relatively small but geopolitically important countries, forming triangles together with influential states.*

The main strategic triangles of the modern world order are analyzed, presenting mostly countries of Asia (China, Japan, India), Russian Federation, USA and EU. The main trends of global competition based on geopolitical triangles in the XXI-st century are identified.

KEYWORDS: *strategic triangle, regional triangles, tripartite diplomacy, world order, balance of power, containment, national capacity, pivot states.*

References

- Aleskerov F.T., Kurapova M.S., Mescheryakova N.G., Mironyuk M.G., Shvydun S.V. (2016). The Network Approach in the Study of Interstate Conflicts. *Political Science*, no 4, pp. 111–137. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27685865_15068490.pdf, accessed 21.04.2021 (in Russian).
- Ali S. (2017). *US-Chinese Strategic Triangles. Examining Indo-Pacific Insecurity*, Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-57747-0
- Bogaturov A.D. (1997). *Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II. (1945–1995)*, Moscow: Konvert-MONF (in Russian).
- Brzezinski Z. (1996). Geopolitical Pivot Points. *The Washington Quarterly*, vol. 19, no 4, pp. 206–216. DOI: 10.1080/01636609609550224
- Brzezinski Z. (2018). *The Grand Chessboard*, Moscow: AST (in Russian).
- Caplow T. (1956). A Theory of Coalitions in the Triad. *American Sociological Review*, vol. 21, no 4, pp. 489–493. DOI: 10.2307/2088718
- Caplow T. (1959). Further Development of a Theory of Coalitions in the Triad. *American Journal of Sociology*, vol. 64, no 5, pp. 488–493. DOI: 10.1086/222544
- Davydov A.S. (2015). *Beijing, Washington, Moscow: Relations in the Context of Global Architectonics Transformation*, Moscow: IFES RAS (in Russian).
- Degterev D.A. (2015). Network Analysis of International Relations. *Vestnik (Herald) of St. Petersburg State University. Series 6: Political Science. International Relations*, no 4, pp. 119–138. Available at: <http://vestnik.spbu.ru/html15/s06/s06v4/11.pdf>, accessed 21.04.2021 (in Russian).
- Degterev D.A. (2020). *Assessing the International Balance of Power and the Formation of a Multipolar World*, Moscow: Rusains (in Russian).
- Degterev D.A., Istomin I.A. (2015). System Modeling of International Relations. *World Economy and International Relations*, no 11, pp. 17–30 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2015-59-11-17-30
- Degterev D.A., Khudaykulova A.V. (2018). Balance of Power in International Political Science: Theoretical Concepts and Applied Analysis. *National Security / Nota Bene*, no 1, pp. 1–12 (in Russian). DOI: 10.7256/2454-0668.2018.1.25193
- Degterev D.A., Nikulin M.A., Ramich M.S. (eds.) (2021). *The Balance of Power in Key Regions: Conceptualization and Applied Analysis: Scientific Monograph*, Moscow: RUDN University (in Russian).
- Degterev D.A., Stepkin E.A. (2013). Dynamic Equilibrium. The U.S. Role in Israel's Military Supremacy in the Middle East. *Asia and Africa Today*, no 10, pp. 19–25. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20339294_45832955.pdf, accessed 21.04.2021 (in Russian).
- Desjardins J. (2017). US Military Deployment by Country. *Visual Capitalist*, March 18, 2017. Available at: <http://www.visualcapitalist.com/u-s-military-per->

sonnel-deployments-country/, accessed 21.04.2021.

Dittmer L. (1981). The Strategic Triangle: An Elementary Game-Theoretical Analysis. *World Politics*, vol. 33, no 4, pp. 485–515. DOI: 10.2307/2010133

Dobbins J., Shatz H., Wyne A. (2019). *Russia Is a Rogue, Not a Peer; China Is a Peer, Not a Rogue. Different Challenges, Different Responses*, Santa Monica: RAND Corporation. DOI: 10.7249/PE310

Efremova K.A. (2016). *Unequal Powers: Myanmar in the China-India-ASEAN Strategic Triangle*, Moscow: MGIMO-University (in Russian).

Fürtig H. (2007). Conflict and Cooperation in the Persian Gulf: The Interregional Order and US Policy. *Middle East Journal*, vol. 61, no 4, pp. 627–640. DOI: 10.3751/61.4.13

Gantman V.I. (ed.) (1984). *The System, Structure and Process of Development of Modern International Relations*, Moscow: Nauka (in Russian).

Gasprinsky I. (1896). *The Russian-Eastern Agreement: Thoughts, Notes, and Wishes of Ismail Gasprinsky*, Bakhchisaray: Interpreter (in Russian).

Huasheng C. (2019). The “New Triangle” in China–Russia–U.S. Relations. *Comparative Politics*, no 2, pp. 69–85 (in Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10017

Husain A. (1982). The West, South Africa and Israel: A Strategic Triangle. *Third World Quarterly*, vol. 4, no 1, pp. 44–73. DOI: 10.1080/01436598208419607

Intriligator M., Luterbacher U. (eds.) (1994). *Cooperative Models in International Relations Research*, Berlin: Springer.

Jervis R. (1997). *System Effects: Complexity in Political and Social Life*, Princeton: Princeton University Press.

Kavanagh J. (2014). *U.S. Security-Related Agreements in Force since 1955. Introducing a New Database*, Santa Monica: RAND Corporation.

Khudaykulova A.V. (2016). Conflict Management in the New Century. *International Trends*, vol. 14, no 4, pp. 67–79 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2016.14.4.47.5

Khudaykulova A.V. (2020). Geopolitical Triangles in the Context of International Security. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 53–73 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-3

Khudaykulova A.V., Ramich M.S. (2020). Quad 2.0: A Quadrilateral Dialogue for Counterbalancing China in the Indo-Pacific. *POLIS*, no 3, pp. 23–43 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.03.03

Kilgour M., Brams St. (1997). The Truel. *Mathematics Magazine*, vol. 70, no 5, pp. 315–326. DOI: 10.1080/0025570X.1997.11996570

Kissinger H. (1979). *White House Years*, Boston: Little, Brown and Co.

Kortunov A.V. (2018). Indo-Pacific or Community of Common Destiny? RIAC, May 28, 2018. Available at: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-patsifika-ili-soobshchestvo-edinoy-sudby/>, accessed 21.04.2021 (in Russian).

McDonald H.B., Rosecrance R. (1985). Alliance and Structural Balance in the International System: A Reinterpretation. *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 29, no 1, pp. 57–82. DOI: 10.1177/0022002785029001004

Melvil A.Y., Ilyin M.V., Meleshkina E.Y., Mironyuk M.G., Polunin Y.A., Timofeev I.N., Kharitonova O.G., Vaslavsky Y.I. (2007). *The Political Atlas of the Modern World. Multidimensional Statistical Analysis of Political Systems of Modern States*, Moscow: MGIMO-University (in Russian).

Morozov Yu.V. (1) (2020). *Ways to Neutralize Challenges and Threats to Russia's National Interests in the Framework of the “Strategic Triangle of Russia–USA–China”*, Moscow: RAS IFES (in Russian).

Morozov Yu.V. (2) (2020). “Pitfalls” of Russia's Military-Political Cooperation with the United States and China. *Far East*

- tern Affairs*, no 2, pp. 21–36 (in Russian). DOI: 10.31857/S013128120009751-7
- Partem M.G. (1983). The Buffer System in International Relations. *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 27, no 1, pp. 3–26. DOI: 10.1177/0022002783027001001
- Podberezkin A.I., Borishpolets K.P. (2014). *Some Aspects of the Analysis of the Military and Political Situation*, Moscow: MGIMO-University (in Russian).
- Reuben S., Dodd-Parr F. (2019). Examining the Immanent Dilemma of Small States in the Asia-Pacific: The Strategic Triangle between New Zealand, the US and China. *The Pacific Review*, vol. 32, no 1, pp. 90–112. DOI: 10.1080/09512748.2017.1417324
- Romer J.-C. (2014). The Weimar Triangle and the Ukrainian Crisis. *Vestnik RUDN. International Relations*, no 4, pp. 7–12. Available at: <http://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/10396>, accessed 21.04.2021 (in Russian).
- Satake T., Hemmings J. (2018). Japan–Australia Security Cooperation in the Bilateral and Multilateral Contexts. *International Affairs*, vol. 94, no 4, pp. 815–834. DOI: 10.1093/ia/iyy028
- Salitsky A.I., Semenova N.K. (2019). Rise of China and Russian-Chinese Rapprochement. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 117–132 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-117-132
- Singh A.G. (2016). India, China and the US: Strategic Convergence in the Indo-Pacific. *Journal of the Indian Ocean Region*, vol. 12, no 2, pp. 61–176. DOI: 10.1080/19480881.2016.1226752
- Smith P. (2011). The China–Pakistan–United States Strategic Triangle: From Cold War to the “War on Terrorism”. *Asian Affairs: An American Review*, vol. 38, no 4, pp. 197–220. DOI: 10.1080/00927678.2011.604291
- Sweijts T., Oosterveld W., Knowles E., Schellekens M. (2014). *Why Are Pivot States so Pivotal? The Role of Pivot States in Regional and Global Security*, Hague: The Hague Centre for Strategic Studies.
- Troitsky M.A. (2008). “Illusions of Triangles” in Russia’s Contemporary Relations with the West. *International Trends*, no 3, pp. 101–107. Available at: <http://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/830/Troitski-02.pdf>, accessed 21.04.2021 (in Russian).
- Tsvyk A.V. (2018). “Greater Europe” or “Greater Eurasia”? In Search of New Ideas for Eurasian Integration. *Vestnik RUDN: Sociology*, vol. 18, no 2, pp. 262–270 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-262-270
- Yurtaev V.I. (2017). Peculiarities of Iran’s Regional Diplomacy at the Beginning of the 21st Century. *Cooperation between Russia and Iran in Political, Economic and Cultural Areas as a Factor in Strengthening Peace and Security in Eurasia. Proceedings of the International Scientific-Practical Conference* (eds. Kasyuk A.Y., Khari-chkin I.K., Polischuk A.I.), Moscow: Moscow State Linguistic University, pp. 30–35 (in Russian).
- Zhang M. (1998). The Emerging Asia – Pacific Triangle. *Australian Journal of International Affairs*, vol. 52, no 1, pp. 47–61. DOI: 10.1080/10357719808445237